

Valery Tishkov

ТУПИКИ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Антропология НПО

"Движение" как постфактическая рационализация

Эта статья написана мною как реакция на статью Клауса Леггеви, которая отмечена свежим взглядом на роль общественных организаций и движений в современном мире. В какой-то мере позиция автора — это апология "оказывающих демократизирующее воздействие" неправительственных организаций и массовых общественных движений, которые автор возводит к однозначно позитивному для него историческому факту "взятия Бастилии народными массами". Не будем вдаваться в дискуссию, что в действительности произошло в Париже 14 июля 1789 года, и доверимся, как и автор статьи, созданным историками (с помощью живописцев) революционизирующим метафорам "свободы на баррикадах". Но все же отметим, что вопрос о "движениях" не так прост, хотя эта категория усвоена нами с первых школьных учебников по истории. В последние полтора десятка лет территория СССР и постсоветских государств была свидетелем конструирования различных "национальных", "демократических", "возрожденческих" и прочих движений, хотя во всех известных мне случаях ничего особенно не двигалось. Зато имели место активная элитная публицистика, политико-идеологическая индоктринация значительной части населения и публичные манифестации разной степени массовости, порою не уступающие массовкам (под этим я имею в виду добровольные и целевые собрания людей в одном месте) спортивных болельщиков или любителей бардовской песни.

Болельщиков и певунов "движениями" называют редко, хотя у них тоже есть свои лозунги и цели ("Спартак — чемпион!"), а вот собрания вокруг политических, этнических или религиозных призывов сами активисты массовок и эксперты почти всегда обзывают "движениями". Видимо, это необходимо для укрепления легитимности и для повышения значимости дорогостоящих и трудно организуемых коллективных акций. Но часто в "движения" оказываются зачисленными случайные или спорадические действия одиночек или малых групп, которым придают национальный или глобальный смысл уже позднейшие интерпретаторы "исторических событий". Так, например, если в конце 1980-х — начале 1990-х годов в Латвии, Литве и Эстонии, в российских республиках Башкирии, Татарстане, Чечне, Якутии местные этнонационализмы через свои программы и действия обрели лейбл национально-освободительных или национальных движений, то для энтузиастов феномена "этнического возрождения" это означало, что для "полной симметрии" таковые должны были быть и в других этнотерриториальных автономиях. Именно таким

образом в 1990–е годы ученые и публицисты восприняли фактически все проявления этнонационализма и этнополитической мобилизации в бывших союзных, затем в новых государствах, а также в российских республиках. В итоге жестокий разгон властями с применением армии митингов и демонстраций в Тбилиси и в Баку превратился постфактум в национальные движения и революции. Этому ныне посвящены страницы учебников и возведены памятники, установлены календарные дни — все, чтобы свои Бастилии остались навечно в народной памяти. В Институте этнологии и антропологии Российской академии наук, например, для осуществления серийного издания документов национальных (гражданских) движений потребовалось более ста томов, и наличие таких стало обязательно обнаруживаться во всех этнотерриториальных автономиях того времени. Для создания образа таких движений нужны были только ресурсы (люди и деньги). Так, участие в проекте влиятельного политика, готовившего к защите докторскую диссертацию по этнополитике, имело результатом 10-томную подборку документов в этой серии только по одной Республике Удмуртии, в которой этнический национализм был минимальным, а гражданских движений вообще не было¹.

Учредители общественных организаций (иногда уже само их название узурпирует в свою пользу звучную категорию "движение"), сочинители разных манифестов и организаторы собраний чаще всего никакими движениями не являются, если под последними иметь в виду *массовые программно–политические, структурированные и организованные коллективные действия на определенном временном отрезке*. Именно по причине метафорической условности и постфактической рационализации следует осторожно относиться к таким большим категориям, как "революция" или "движение". Тем более нельзя рассматривать последние как синонимичные неправительственным общественным организациям (НПО), даже если последние пользуются грамматикой и механизмами "движений" (правозащитных, антиглобалистских, экологических, национальных и тому подобных). Такое слишком расширительное определение неправительственных организаций мало что дает для лучшего понимания природы общественных коалиций вне государственно–административных структур.

Полезно также отделить неправительственные организации от более широкого спектра общественных объединений и ассоциаций, которые не считают себя принадлежащими к НПО или которые настолько специфичны, что было бы неправильно включать их в данную категорию. Например, многочисленные научные ассоциации и общества не относят себя к НПО, но таковыми являются по своей сути, ибо они есть негосударственные и неформальные объединения. Более того, некоторые научные (экспертные) сообщества могут выполнять роль НПО по части адвокативной деятельности в пользу тех или иных клиентов (защита меньшинств и мигрантов, получение и трансляция информации о проблемах и кризисах, участие в общественных кампаниях, предотвращение и разрешение конфликтов, выражение отношения к политике правительств и тому подобное). Так, известный Летний институт лингвистики (ныне это НПО при ЮНЕСКО под названием SIL International) объединяет около 5000 специалистов по малым языкам, на которых говорят меньшинства и аборигенные народы примерно в 60 странах. Среди задач этой научно–общественной организации, помимо лингвистических штудий и переводческой деятельности (главным образом, перевода Библии на малые языки), есть задача содействия

распространению грамотности среди изолированно живущих народов. Кстати, одно время деятельность этой организации была запрещена в ряде стран Латинской Америки по причине связи части активистов института со спецслужбами США. В защиту малых групп и культур в свое время внесли большой вклад созданные преимущественно учеными-антропологами международные НПО "Группа по правам меньшинств", "Международное выживание", "Международная рабочая группа по аборигенным народам".

Однако адвокативная практика экспертных сообществ вызвана не только профессионально-этическими установками. Она чаще всего имеет политико-идеологическую направленность и связана с запросами государственных бюрократий. Научные ассоциации обществоведческого характера таковыми были с момента своего зарождения. Российское императорское географическое общество, куда первоначально входили этнографы, помогало устанавливать племенной состав Российской империи для лучшего управления инородческими окраинами, а затем КИПС (Комиссия по изучению племенного состава) помогала через разработку методологии переписи населения 1926 года конструировать из доступного этнографического материала "советские социалистические нации". Многие научные организации Запада в 1960—1980-е годы активно участвовали в "сдерживании коммунизма", а ныне — в "обустройстве" постсоветского пространства прежде всего в целях бесповоротного демонтажа имперской России. Так, например, научное Общество по изучению Центральной Евразии (Central Eurasian Studies Society), созданное всего несколько лет тому назад молодым ученым из Гарвардского университета Джоном Шоберлейном, всей своей программатикой и организационной деятельностью реконструирует новую геополитическую категорию "Центральной Евразии" от Якутии до Крыма, но фактически без славянского компонента. Сегодня ежегодные конгрессы этого объединения уже собирают до тысячи ученых. Аналогичные экспертные сообщества и миротворческие НПО существуют по Кавказу, под которым подразумевается территория трех государств, Азербайджана, Армении и Грузии, и некая серая зона под названием "Северный Кавказ".

Непросто обстоит дело и с организациями этнокультурного и этнополитического характера. Их также чаще всего не устраивает статус НПО или общественных ассоциаций, ибо они хотят быть "национальными организациями", то есть представлять определенные этнонации и по этой причине иметь другие полномочия и статус по сравнению с обычными НПО. Так, например, в 1992 году на российско-германских правительственных встречах, посвященных проблемам российских немцев (переселение в Германию, создание автономий в России, сохранение и поддержка культуры российских немцев), мною как министром приглашались участвовать тогдашние лидеры общественных организаций российских немцев. Эти лидеры, в частности президент Союза российских немцев Генрих Гроут, старались вести себя как "представители народа" и как равноправные акторы в межгосударственных отношениях. Сходные претензии на политическое и другое представительство исходили неоднократно от общественных объединений башкир, татар, чеченцев, черкесов и десятков других объединений. Так, во время переговоров, которые я вел в качестве представителя федерального правительства с представителями Республики Татарстан в 1992 году, с татарстанской стороны постоянно присутствовали руководители Всемирного конгресса татар. Его

президент Индус Тагиров как-то мне сказал: "Теперь вы — представители власти — без нас ничего не сможете решить, и нас уже назад загнать не удастся". Где теперь Генрих Гроут и Индус Тагиров, я не знаю, но знаю, что они оказались не правы в своих завышенных претензиях в диалоге с государством. Хотя следует признать, что своими действиями они подталкивали власть к более активной и позитивной политике по вопросам, которые до этого не решались десятилетиями.

Государство и НПО

Помимо отмеченных Клаусом Леггеви слабостей НПО (недостаточная демократичность, отсутствие внешнего контроля и обратной связи), существует целый ряд других проблем, заслуживающих внимания в столь важном обсуждении. Прежде всего, это вопрос о взаимоотношениях общественных организаций и "движений" с государством. Несмотря на меняющуюся динамику в соотношении создаваемых людьми различных социальных коалиций (от семьи и спортивного клуба до государств и мировых информационных систем), *государство до сих пор является самой важной и значимой формой людских коллективов*. Государства контролируют всю территорию Земли, имеют жесткое членство и пространственные границы, поддерживают системы жизнеобеспечения, общественный порядок и безопасность проживающих в их границах сообществ. Только государства имеют исключительное право на ресурсы, на сбор налогов, на отправление правосудия и использование насилия в отношении людей вплоть до лишения их жизни. Часть этих функций может быть делегирована по согласию или узурпирована другими коалициями, например, ООН или НАТО. Часть государств исполняют или используют далеко не все из обозначенных функций и полномочий, особенно по части обеспечения развития и безопасности своих граждан. Но от этого суть дела не меняется. Смысл остается таковым, как его определил в названии одной из своих конференций Аспеновский институт, занимающийся просвещением высших американских управленцев: "Сильное государство — сильные надежды"². Только сильные и эффективные политики в форме национальных бюрократий и солидарных с ними гражданских сообществ способны решать наиболее сложные и наиболее важные вопросы общественного развития. Альтернатива этому — деградация людских коллективов по причине несоблюдения общих норм, неконтролируемого соперничества и доминирования, хаоса силовых воздействий на мировой арене.

В последние десятилетия государства демократизируются и больше сотрудничают между собой, хотя их родовая склонность к опасному соперничеству с исторической арены не исчезла. Ныне государства не могут себе позволить беспредел в отношении "своих" согражданств или "своего" населения, иначе их лидеры и исполнители террора могут оказаться в тюрьме. Государства утрачивают многие из присущих им функций в сфере экономических и финансовых дел. Появляются мощные объединения и институты, которые забирают у государства некоторые его полномочия и даже подчиняют себе бюрократии. Особенно это касается масс-медийных и бизнес-сообществ, а также некоторых трансгосударственных общественных коалиции (диаспорные сети, защитные общественные движения и тому подобные). В этой ситуации вполне понятными стали рассуждения о "несостоявшихся государствах" (failed states) или государствах-изгоях (rogue states), о конце эпохи национальных государств, о приходе эры мирового правления и мирового

гражданства и так далее. Однако обратим внимание, что чаще всего инициаторами подобных рассуждений выступают представители сильных ("состоявшихся") государств, которые совсем не собираются упраздниться в пользу мирового правления или распаться в пользу этнокультурного или регионального самоопределения. Остальные ведут себя гораздо более сдержанно. Мне, например, неизвестны представители академического или политического цеха из таких стран, как Индия или Китай, страны Латинской Америки и бывшего СССР, которые были бы активными проводниками идей мирового правления через трансгосударственные структуры и ограничения суверенитета национальных государств. В этом случае Индия и Китай могут подвергнуться скорой дезинтеграции по этнотерриториальному или религиозному принципу. И тогда задним числом, как и СССР, они будут "объяснены" как последние многонациональные империи, существовавшие в мире и распавшиеся под воздействием национально-освободительных движений.

Для большинства населения мира и для большинства государств более актуальной остается задача обеспечения эффективного государственного управления, сохранения гражданского согласия и предотвращения конфликтов. Известный западный журналист и философ Майкл Игнатъефф был прав, когда в своей последней книге об этнических конфликтах писал: "Как бы это ни звучало парадоксально, полиция и армия национального государства остаются единственными доступными институтами, которые когда-либо нами были созданы, чтобы контролировать и противостоять крупномасштабному насилию"³. И так, как бы это ни казалось неудобным, но следует согласиться, что *порядок первичен по отношению к форме, в которой он осуществляется*, то есть сначала должна быть какая-либо власть в человеческом сообществе (иначе люди просто перебьют друг друга), а уже затем речь может идти о разной степени ее легитимности, справедливости и эффективности. *Антиэтатизм, то есть отрицание государства, — это саморазрушительная утопия, привлекательная для части активистов, но нереализуемая по ряду фундаментальных обстоятельств.*

Одним из направлений "улучшения мира" являются рассуждения о пользе и действия в пользу неправительственных организаций. Считается, что такие организации, особенно в странах несовершенных демократий или авторитарных режимов, помогают совершенствовать правление, избегать недостатков обычной представительной демократии и через принципы консенсальности (демократии согласия) и общественного диалога обеспечивать более чувствительное управление в культурно сложных обществах, каковыми являются практически все современные государства. В принципе возразить против этих положений достаточно трудно. Они есть некий идеальный вариант, о котором нужно думать и к которому можно стремиться. Но на пути к этому новому миру, где будут править союзы бюрократии и НПО, а вместо ООН будет "организация объединенных этнонаций" (утопический проект известного норвежского ученого Йохана Галтунга "Мир через мирные средства"⁴), есть ряд серьезных препятствий.

И первое из этих препятствий — это сами НПО.

Сила и слабость НПО

В мире уже существует целая культура неправительственных организаций с характерной символикой (цветовой, графической, музыкальной, но никак не реалистской в виде орлов, львов и скипетров, чтобы не напоминать государственные символы), поведенческими паттернами (неформальный стиль общения, особые атрибуты перформанса, пренебрежение этикетом и протоколом для отличия от бизнес–полит–гос–бюрократии), особым лидерским типом (бунтарский дух и фандрейзерский дар, без чего обходятся лидеры других сообществ). У НПО складываются кустовые сети⁵, и внутри них существуют иерархия и соперничество, особенно за источники финансирования. Из наиболее крупных мировых сетей НПО наиболее известны социально–волонтерские, в защиту детей, правозащитные, экологические, этнокультурные и миротворческие, хотя в каждой стране и в каждом регионе мира имеется своя специфика.

Последние 15—20 лет мне больше всего приходилось иметь дело с двумя последними категориями НПО, а две общественные организации были созданы мною лично и продолжают действовать до сих пор. Это — Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (с 1993 года) и Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республике (с 1998 года)⁶. Что касается общественных организаций, созданных на этнической основе или в сфере этнокультурной политики, то здесь мои наблюдения не менее богатые. Они восходят еще к 1970–м годам, когда я изучал общественные движения североамериканских индейцев, не говоря уже о более позднем опыте федерального министра по делам национальностей и 15–летнем стаже работы в профильном академическом институте.

Что мне представляется важным в предлагаемых проектах "хорошего правления" (good governance), которое немислимо без активных и влиятельных общественных объединений, идеализация которых в свою очередь столь же ущербна, как и идеализация государства? Прежде всего, *в какой области или по какому поводу существуют те или иные НПО?* Это совсем не праздный вопрос, ибо компетенция, эмоции и политико–идеологическая ангажированность создателей НПО могут порождать как просто глупые и наивные проекты–причуды, так и саморазрушительных, опасных монстров, которые совсем не заслуживают легитимации и поддержки, тем более со стороны государства и за счет налогоплательщиков. Оставим в стороне многочисленные хоббистские, культовые, сектантские, эзотерические и прочие организации и "движения", включая ассоциации типа "Народных целителей России" и им подобных. Возьмем организации более серьезные и даже номинировавшиеся на Нобелевскую премию мира. И среди них можно встретить то, что я называю *общественными конструкциями вокруг неверной идеи*. Так, например, в 1970–е годы сначала среди аборигенных народов (так обычно называют коренное население государств, сложившихся на переселенческой, колонизационной основе) возникло ставшее международным движение "непредставленных народов и наций", которое обрело ассоциированный статус при ООН и затем собственную штаб–квартиру в Гааге (Организация не представленных в ООН народов и наций — ОННН). Изначально позитивные цели расширения представительства и устранения исторической дискриминации малых групп с уязвимыми культурными системами принесли много положительных результатов. Активисты аборигенных организаций в Гватемале и Индонезии получили Нобелевские премии мира.

Наиболее успешным примером таких нэтивистских движений можно назвать национальные организации аборигенных народов, проживающих в арктических регионах мира, и их международное объединение "Международная циркумполярная конференция" (ИСС). С участием последней был создан ныне влиятельный Арктический форум, в котором для достижения общих целей сотрудничают аборигенные организации, правительства северных стран, деловые круги и ученые. Вхождение в эту мощную общественно–государственную сеть представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, прежде всего Российской ассоциации коренных малочисленных народов Севера (РАИПОН), оказало большое позитивное влияние на деятельность отечественных НПО в этой области. Путь, который прошли эти организации с момента первого Съезда народов Севера в Кремле в 1990 году с участием Михаила Горбачева, поистине поразителен. Вместо двух–трех "больших вождей" типа Владимира Санги, Еремея Айпина и Евдокии Гайер ныне сформировался отряд компетентных и активных региональных и общинных лидеров, вместо громких заявлений "Вся северная земля — наша!" приняты законы и местные правовые акты, обговорена поддержка со стороны компаний, имеется политическое представительство. Многие реальные проблемы аборигенов Севера сохраняются, как сохраняются стратегия жалоб и традиционалистская романтика в деятельности НПО, но ситуация изменилась радикально, причем в лучшую сторону. Аборигенные НПО совместно с государством и бизнесом имеют перспективу разработки культурно ориентированной модернизации и устойчивого саморазвития⁷.

В другую сторону пошла деятельность ООНН в Гааге, когда над штаб–квартирой водрузили флаги сепаратистских режимов и организаций, возникших после распада СССР и Югославии. В ситуации новых геополитических соперничеств и западной эйфории по поводу обустройства посткоммунистического мира "непредставленность" стала трактоваться как разрушение порядка, а не его улучшение, как выход из системы, а не как обретение в ней голоса. Флаг сепаратистской Чечни в Гааге президент Джохар Дудаев представил местному населению как доказательство международного признания самопровозглашенного государства. Там же повисло еще с десятков флагов "не представленных народов и наций", преимущественно из региона бывшего СССР. Абхазские, чеченские, карачаевские и прочие флаги были прямым приглашением к вооруженной борьбе. Упразднить такую общественную организацию фактически невозможно, а ущерб от нее большой. Эту проблему Клаус Легтеви обозначил как проблему "упорядоченного и постоянного контроля со стороны тех, кого затрагивают эти решения". Заметим, что одним из руководителей ООНН в начале 1990–х годов была гавайская активистка Хуанани Траск⁸, но только борьбу она вела не за восстановление утраченного в конце XIX века суверенитета гавайского государства во главе с последней королевой Лилиокалане, а за восстановление статус–кво на российском Кавказе, который существовал до присоединения региона к России в конце XVIII века. Есть ли повод для существования такой НПО, даже если она получала в 1990–е годы поддержку от Конгресса США?

Нереализуемые проекты партикулярного самоопределения сделали своим основным приоритетом и некоторые российские НПО этнополитического толка, балансируя на грани открытого конфликта с государственной властью. Если многие экстремистские НПО типа Конфедерации народов Кавказа или Татарского общественного центра фактически сошли с

арены, то более спокойные и последовательные до сих пор строят деятельность вокруг основной цели — достижения "своей государственности". Так, лидер национально-культурной автономии российских немцев Иван Келлер на встрече в Государственной думе в декабре 2004 года изложил проект создания государственности российских немцев в форме этнотерриториального образования, хотя вычертить территорию на карте России для такого образования очень трудно, а найти людей для жизни в такой автономии невозможно. Российские немцы более чем достойно самоопределились в рамках Российской Федерации, а их представительство во всех общественных сферах обеспечено (достаточно назвать имена "федерального уровня" Альфреда Коха, Германа Грефа, Владимира Бауэра). Опять же вопрос: если НПО ставит нереализуемую цель, тогда зачем такое НПО? И такой вопрос можно задать в адрес многих общественных организаций, не говоря уже о тех, деятельность которых носит противозаконный и разрушительный для общества характер и в отношении которых государство обязано применять защитные меры. Клаус Леггеви считает, что будирующая роль НПО в любом случае полезна для общества. Однако не следует забывать, что ресурсы и компетенция бюрократий также ограничены и публичное давление может приводить к принятию ущербных законов или к подписанию невыполнимых межгосударственных соглашений, как это произошло с подписанным в 1991 году Гельмутом Колем и Борисом Ельциным документом о создании Республики Немцев Поволжья (именно так, с большой буквы, и было записано).

Следующий вопрос — *источники средств и заказчики создания НПО*. Вопрос более чем больной и действительно сложный. То, что большинство НПО существуют далеко не на взносы собственных участников, хорошо известно и вполне объяснимо. Даже если это добровольные взносы, то, как правило, это взносы не рядовых членов организации и участников движения, а богатых покровителей, как, например, в Фонде защиты живой природы (WWF). В отличие от государственных институтов, НПО никто не платит налогов, и у НПО нет собственности на ресурсы, доходов госпредприятий и природной ренты. Так будет и в будущем, и уже это само по себе делает вопрос о придании общественным организациям места, равного тому, которое занимают государства, бессмысленным. Так, Фонд защиты живой природы ведет мужественную борьбу за сохранение амурского тигра, но сама эта популяция едва ли когда-нибудь перейдет в собственность этой НПО.

Это означает, что обеспечение средств из внешних источников, включая государственные и полугосударственные институты, будет сохраняться, а значит, будет сохраняться проблема "заказа" со стороны того, кто дает деньги, и проблема независимости деятельности НПО. Более того, некоторые НПО и создаются под заказ, то есть для выполнения определенной миссии, которую государству напрямую невозможно или неудобно выполнять. Так, например, для обеспечения "досамоопределения" Федерации Югославии после первого распада, на этот раз за счет Косово и, возможно, Черногории, американцами была создана НПО, которая консультировала косовских сепаратистов, как создавать параллельные структуры власти (shadow government) и как вести дело к неизбежности выхода из общего пространства. Координировал деятельность этого НПО бывший президент Корпорации Карнеги за международный мир, отставной дипломат Морт Абрамовиц. Свою миссию эта НПО выполнила, превратив разрозненные группы

албанских экстремистов и криминальных боевиков в мощную политическую и вооруженную силу, а югославскую провинцию Косово–Метохия в де-факто независимый регион с крайне неясным будущим.

Что-то похожее из категории "целевых" НПО было создано в США в 1999 году под названием "Американский комитет за мир в Чечне", в который вошли более ста известных американцев из числа ученых, бывших политиков и дипломатов. Хотя внешние цели комитета объявлены как содействие миру и стабильности в регионе, а также забота о правах человека, но практическая деятельность этой организации направлена на противодействие восстановлению российскими властями контроля над регионом вооруженного сепаратизма и доведение до конца сецессии Чечни, которое уже казалось завершенным после Хасавюртовского соглашения в 1996 году. Вся исходящая от этой общественной организации информация по Чечне носит односторонний и даже намеренно искаженный характер, начиная с утверждений о якобы более чем 200 тысячах погибших чеченцев из числа гражданских лиц, о демографической катастрофе и 80% безработных в Чечне. Легитимные власти в республике намеренно не признаются, а федеральная программа постконфликтной реконструкции в республике замалчивается или третируется.

При всей неадекватности восприятия существующей в Чечне ситуации данная НПО обладает огромной мобилизующей силой и как бы корректирует официальную позицию администрации США по поддержке борьбы против терроризма на Северном Кавказе. Влиятельные члены комитета Ричард Пайпс и Збигнев Бжезинский после событий в Беслане выступили в самых влиятельных газетах мира с призывами предоставить немедленную свободу "этому крохотному колониальному владению России". Руководитель комитета Гленн Говард обнародовал в середине декабря 2004 года призыв: "Соединенные Штаты и Европейский союз должны поддержать диалог по Чечне точно так же, как они объединились вместе в поддержку демократии в Украине" (под последним имеется в виду поддержка одного из кандидатов на президентских выборах).

Противостоять таким призывам и другим средствам давления очень трудно не только правительствам США и стран ЕС. Это оказывает сильное воодушевляющее влияние и на тех, кто ведет *джихад* против России на ее собственной территории. Если такого рода общественные организации будут и в будущем рассматриваться как ресурсы демократизации, хорошего правления и укрепления миропорядка, тогда действительно возникает проблема нейтрализации такого активно воюющего актора в целях "упорядоченного контроля" в регионах открытых конфликтов, где население становится заложником больших геополитических игр и межгосударственных соперничеств. Такого рода НПО невозможно рассматривать в роли проводников гражданского общества. Но как нейтрализовать вышеупомянутый американский комитет? Никакого другого варианта, кроме самороспуска под воздействием фактических и моральных аргументов, не существует. Но самороспуск означает признание провала проекта "досамоопределения" России за счет Чечни, а это сделать очень трудно. Так и будет продолжаться ментальная "война в Чечне", где уже несколько лет нет военных действий. В Ираке то же самое экспертное сообщество уже ведет речь об "операциях постконфликтной стабилизации" в ситуации продолжающихся военных действий, больших жертв и разрушений.

Наконец, есть проблема навязывания модельных НПО обществам, где якобы нет низовых (grass-root) гражданских институтов и где через особые проекты партнерства и помощи нужно создавать "третий сектор". Для этих целей Запад в лице государственных структур и частных доноров выделял в последние годы большие средства и создавал многочисленные неправительственные организации. Следует сказать, что эти усилия принесли очевидные позитивные результаты в ряде нестабильных регионов Африки, Азии и Европы. Богатый опыт НПО в области разрешения конфликтов был недавно обобщен в специальном пособии по трансформации этнополитических конфликтов, которое подготовил Бергхофский исследовательский центр по конструктивному урегулированию конфликтов (Berghof Forschungszentrum für konstruktive Konfliktbearbeitung)⁹ в Германии, и в книге еще одного немецкого специалиста по конфликтам, Гюнтера Шлее, изданной на русском языке в рамках проекта ТАСИС "Улучшение межэтнических отношений в Российской Федерации"¹⁰.

Однако в этом опыте далеко не все столь однозначно. Так, деятельность западных НПО на Балканах была проанализирована шведским антропологом Стивеном Сэмпсоном, который пришел к выводу, что массовое вторжение в регион западных неправительственных активистов с целью создания там "третьего сектора" привело к противоречивым результатам. Наряду с успешными проектами и некоторыми позитивными переменами, в целом "экспорт западной демократии на Балканы стал формой благотворительного колониализма"¹¹. Местные сообщества имели структуры гражданского общества и до конфликтов, но это не были НПО в их западном понимании. Навязывание через финансируемые проекты НПО по модели западных привело к возникновению своего рода "проектных элит", "компрадорской буржуазии", ориентированной на Запад и мало озабоченной развитием собственных государств. Реакцией на это стало отторжение западной помощи и активизация местных националистов, а также ослабление новых государств после распада бывшей Югославии.

Этот вывод о культурной нечувствительности всеобщей установки на "третий сектор" по западным образцам в отношении обществ, где имеются давние, но культурно отличительные традиции гражданских коалиций, имеет более широкое значение. Здесь действительно есть большая дилемма. Если джамаатская община в Дагестане, родственно-местническая или побратимская сети в Чечне и Ингушетии, религиозная группа вокруг мечети не являются НПО по западной модели, то нужно ли их игнорировать в качестве структур гражданского общества? И нужно ли создавать обязательно регистрируемые с писаными уставами, президентами и вице-президентами и бухгалтерами "типичные" НПО, чтобы принести в эти общества демократию? Стивен Сэмпсон считает, что нужно, поскольку Запад взял на себя роль "добровольного колонизатора" и должен играть ее до конца, как когда-то во времена классического колониализма последний также нес определенную цивилизаторскую миссию. Мне это представляется слишком жестким подходом, ибо модели и ресурсы общественной самоорганизации не сводятся к тем, которые накоплены устоявшимися демократиями западного мира. Культура НПО, хотя и распространяется по миру все шире, еще далеко не завоевала этот мир.

- См.: Феномен Удмуртии: В 10 т. / Под ред. М.Н. Губогло и С.К. Смирновой. М., 2002—2003.
- ² Strong States, Strong Hopes: Guidelines for Post-Cold War United States Foreign Policy and the Role of Foreign Assistance. Washington: The Aspen Institute, 1997.
 - ³ Ignatieff M. The Warrior's Honour. Ethnic war and the modern conscience. London, 1999. P. 160.
 - ⁴ См.: Galtung J. Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization. London, 1996.
 - ⁵ См. градацию НПО на сайте ООН "NGO Global Network" (www.ngo.org).
 - ⁶ О них см.: www.eawarn.ru и www.chechenfund.ru.
 - ⁷ См.: Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2004.
 - ⁸ 20 лет тому назад я встречался на Гавайях с лидерами сепаратистской организации "Гавайская нация", среди которых была и Хуанани Траск. Эта организация ушла в небытие прежде всего по причине жесткого контроля со стороны властей США.
 - ⁹ Austin A., Fischer M., Ropers N. (Eds.). Transforming Ethnopolitical Conflict. The Berghof Handbook. Wiesbaden, 2004.
 - ¹⁰ Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004.
 - ¹¹ Sampson S. Weak States, Uncivil Societies and Thousands of NGOs. Western Democracy Export as Benevolent Colonialism in the Balkans // Resic S. (Ed.). Cultural Boundaries of the Balkans. Lund University Press, 2002.

Published 2005-06-01

Original in Russian

Contribution by Neprikosnovennij Zapas (NZ)

First published in Neprikosnovennij Zapas 39 (1/2005)

(c) Valery Tishkov/Neprikosnovennij Zapas (NZ)

(c) Eurozine